ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

"ONE CHURCH"

Vol. 7. No. 7-9 July-September 1953 Price 25¢

ОТДЕЛ ОФИЦИАЛЬНЫЙ

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
Москва, 30 июня 1953 г.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ МАКАРИЮ,
Митрополиту Алеутскому и Северо-Американскому,
Экзарху Московской Патриархии
в Северной и Южной Америке.

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший и дорогой Владыко!

Святейший Патриарх и Священный Синод с чувством глубокого огорчения восприняли известия об обострении тяжелого недуга, приковывающего Ваше Высокопреосвященство к одру болезни.

Святейший Патриарх и Священный Синод, сознавая сколь тягостна для церковных дел нашего Экзархата в Северной и Южной Америке временная невозможность для Вашего Высокопреосвященства осуществлять функции Экзарха, все же сочли возможным, в целях создания наиболее благоприятной обстановки для Вашего лечения, на время болезни снять с Вас несение тяжелых служебных обязанностей.

Временное исполнение обязанностей Экзарха Святейшим Патриархом и Священным Синодом возложено на Заместителя Вашего Высокопреосвященства Архиепископа Адама, который должен руководствоваться при этом Указом Его Святейшества от 15 августа 1952 года о временном Экзаршем Совете и духом мира, любви и взаимопонимания по отношению ко всем труженикам Экзархата.

Святейший Патриарх и Священный Синод горячо желают скорейшего облегчения Вашей болезни, дабы еще долгие годы Ваше Высокопреосвященство украшали нашу Церковь на американском континенте.

Да прострет Господь Свою всемогущую руку на исцеление и да дарует здравие изнемогающему телу!

С неизменной братской о Господе любовью сердечно обнимаю Ваше Высокопреосвященство

Член Священного Синода
НИКОЛАЙ, Митрополит Крутицкий и Коломенский

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
СВЯЩЕННЫЙ СИНОД
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ
Москва, 30 июня 1953 г.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМУ АДАМУ,
Архиепископу Филадельфийскому и Карпаторусскому

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший и дорогой Владыко!

В связи с обострением заболевания Высокопреосвященнейшего Экзарха, Митрополита Макария и безусловной необходимости для болящего полнейшего покоя Его Святейшество и Священный Синод приняли решение возложить на Ваше Высокопреосвященство, на время болезни Владыки Экзарха, временное исполнение обязанностей Экзарха Московской Патриархии в Северной и Южной Америке, каковые Вам надлежит нести в соответствии с Указом Его Святейшества от 15 августа 1952 г. о временном Экзаршем Совете.

Святейший Патриарх и Священный Синод выражают уверенность, что управление Экзархатом Вашего Высокопреосвященства будет протекать в мире и любви со всеми его тружениками, в духе общего взаимопонимания, в направлении сплочения воедино сил всех без исключения работников Экзархата, дабы по Апостолу все единодушно подвизались за веру Евангельскую (Фил., 27).

НИКОЛАЙ, Митрополит Крутицкий и Коломенский
Член Священного Синода

ЕДИНАЯ ЦЕРКОВЬ

Официальный ежемесячный журнал
Экзархата Русской Православной Церкви в Америке
Главный Редактор — С. И. Гусев-Оренбургский

Подписка на год — 3 доллара. За-границу — 4 доллара. Отдельный номер — 25 центов.

One Church

15 East 97th Street, New York 29, N. Y. Tel.: AT 9-1915.
Official Journal of the Russian Orthodox Catholic Church.
Publisher: Archdiocese of the Aleutian Islands and North America.
Editor in Chief: S. I. Gussiev-Orenburgsky.
Subscription in U. S. $3.00; Abroad $4.00 per year. **Single issue: 25 c**

Editorial Board:

Archbishop Adam
S. I. Gussiev-Orenburgsky
Prince A. M. Putiatin
N. V. Stember
Rev. D. Abramtsov
P. A. Krochta.

1903 **1953**

«Приидите, вси верни, священными песньми восславим дивного в чудесах Преподобного Серафима, нового светильника Российския Земли, ангелом собеседника и теплого молитвенника к Богу о чтущих святую память его».

Светилен из службы Преподобному Серафиму

Пятьдесят лет прошло со дня, когда Русская Православная Церковь оповестила христианский мир, что благодатью Духа Святаго внушено ей тут на земле причислить к лику святых величайшего старца Серафима, саровского подвижника и чудотворца.

Внешняя судьба русского народа была тогда на пороге бурных событий и потрясений: первой революции, японской войны, первой войны мировой, революции 17-го года, коренной ломки всего уклада его жизни, затем и второй мировой войны... Церковь Русская пережила с народом своей Земли эти великие бури. Она пережила и свой тяжкий кризис, как Поместная Церковь.

Церковь в России была за это время отделена от государства. Божие отделено от кесарева. Эта, давно ставшая необходимой, перемена

не была и не могла быть безболезненной. Возникали внешние трудности и внутренние смуты, соблазны, нестроения, отколы. Русская Православная Церковь прошла через крестный путь свой, укрепляемая и вдохновляемая Святым Духом. Не случайно один из величайших святых всей истории христианства просиял в ней и был ею прославлен как раз в начале этого пути. Не случайно духовная жизнь русского Православия была обогащена им в эту эпоху его просветляющим учением *о стяжании благодати Святаго Духа.*

Преподобный Серафим Саровский, «новый светильник Российския земли» и новый Апостол Света Христова, просвещающего всех, был послан нашей Церкви, когда ей на земном ее поприще нужна была особая сила. Сила эта — благодать Духа Святаго — была дана ей в изобилии. Великий саровский подвижник, простоявший тысячу ночей в молитве на камне в глухом бору, помог Церкви своей собрать богатый урожай, стяжать давно не виданный в духовной жизни людей запас благодати, явить миру крепость свою в духе и силе.

«Благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем», говорил при жизни преп. Серафим, «ибо Господь сказал: «царство Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго». И еще: «Вера наша состоит «не в убедительных человеческия мудрости словесах, но в явлениях духа и силы».

Первые полвека почитания преп. Серафима Церковью ознаменовались для нее возвращением к чистоте учения и заветов самого Господа нашего Иисуса Христа. Церковь наша отреклась от земных целей, освободилась от земных уз, направив все стремления свои к тому главному, о чем учил Спаситель и о чем неустанно напоминал великий Старец саровский: «Ищите прежде Царствия Божия...»

Почитание пресвятой Богородицы и святых Угодников Божиих издревле было отличительной чертой Православия вселенского, но в особенности — русского. С прославлением преп. Серафима с необычайной силой подтвердилось это явление: Серафим Саровский, стяжавший себе всенародную любовь задолго до его канонизации, в глазах «православных множеств» неразрывно связан с поклонением Божией Матери, «избранником» Которой он сам стал.

Преподобный Серафим, Саровский Чудотворец, занял свое место в сонме святых в земле российстей просиявших, когда Русская Православная Церковь переживала свою Страстную неделю. Он принес в жизнь своей Церкви новую струю подлинно новозаветной, живительной, *пасхальной* силы. Он стал как бы воплощенным обещанием того Нового Иерусалима, которого Церковь Христова взыскует со времени Вознесения Господня и св. Пятидесятницы, и о котором всю жизнь и словом, и деянием, и вдохновением учил преподобный саровский Старец.

Посему с прославлением преподобного и богоносного отца нашего Серафима лучезарная теплота Православия — «теплота Духа Твоего Святаго» — раскрылась вновь. И с какой силой! Поэтому в молитвенное призывание *вечно нового* святого — «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас» — как бы само вливается пасхальное ликование: «Светися, светися, новый Иерусалиме! слава бо Господня на тебе воссия...»

«Единая Церковь»

ЖИТИЕ И ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА, САРОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

(Окончание)

Вечером, накануне весеннего Николы пришел преподобный Старец из своей лесной пустыньки в монастырь; отстоял всенощную и раннюю литургию, за которой причастился и, получив от о. игумена Нифонта благословение, затворился в своей, находившейся в братском корпусе, келии. Так 9 мая 1810 года начался последний его подвиг затвора, продолжавшийся 15 лет.

Затвор был очень суровый. Единственный огонь в келии горел в теплившейся перед иконой Умиления Божией Матери лампаде. Никакого отопления не было, несмотря на то, что и зимой и летом на Преподобном был все тот же простой холщевый балахончик. Мешок с камнями служил ему постелью. На спине он носил большой железный крест. Сопровождаемый тысячью поклонов, ежедневный молитвенный подвиг Преподобного состоял из полного, без опущений, и чрезвычайно обширного правила св. Пахомия Великого, после чего по понедельникам он прочитывал все Евангелие от Матфея, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна, в пятницу совершал службу Животворящему Кресту Господню, в субботу — всем святым. В воскресение, надев епитрахиль, поручи и мантию, Преподобный причащался св. Тайн, приносимых ему от ранней обедни.

Правда, последние 2-3 года он несколько ослабил свой затвор и начал принимать некоторых из братии, нуждавшихся в наставлении. К этому же времени относится и первое совершенное им чудо исцеления: Михаил Василиевич Мантуров был долго и тяжело болен и доктор, видя безнадежность его положения, отказался от дальнейшего его лечения. Приняв его, Преподобный помазал его елеем и сказал: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую». Мгновенно исцеленный, Мантуров упал в ноги Чудотворца и стал благодарить. «Разве Серафимово дело мертвить или живить? — сказал, поднимая его святой Старец, — что ты, батюшка? Это дело единого Господа, который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему да Его Пречистой Матери даждь благодарение».

Исцеленный «первенец» дал обет нищеты и остался навсегда служить святому Старцу, подвизаясь по его благословению в деле устроения Дивеевской обители.

25 ноября 1825 года снова явилась к Преподобному Пресвятая Богородица со святыми Петром Александрийским и Климентом Римским, повелев ему выйти из затвора и итти служить людям. Так начался последний блестящий период старчества святого Серафима.

Многие, даже не протестантского исповедения и причисляющие себя к Православной вере, смущаются и считают, что уход от мира есть уклонение от разделения тягот жизни с подобными себе людьми, что это есть отказ от служения ближнему и даже доходят до обвинения монашествующих в эгоизме, ибо они заботятся «лишь о своей душе». Конечно, далеко не всегда монашество являло хороший пример должного поведения, но жаль, что именно подобные примеры эти люди хотят брать в основу своих суждений о великом и страшном обряде пострижения. Не тому учат нас жития преподобных и в первую очередь жизнь св. Серафима Саровского. «Кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братиями; а кого Он предопределил, тех и призвал; а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» (Рим. 8.29-30). Так определяет Апостол чин преподобных. А разъясняя одному монаху значение пустынножительства, св. Серафим говорил: «Мы бегаем не людей, которые одного с нами единства и носят одно и то же имя Христово; но пороков ими творимых».

Своей непрестанной молитвой и все возрастающими по трудности подвигами Преподобный преодолел человеческое и уже в земной жизни приблизился к Богу и стал не только «ангелом собеседником», но и собеседником Пресвятой Богородицы. «Ибо, — как говорил св. Григорий Богослов, — дела, как ступени ведут к созерцанию».

Совершенное безмолвие, учил Преподобный, есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Кто победил страсти, тот победил и печаль. Кто любит мир, тому невозможно не печалиться; а презревший мир весел всегда. Вот почему, годами изнуряя себя подвигами сверх сил человеческих, Старец достиг

состояния непомрачимой радости. Теперь поднявшись до высот небесных, проникая духовным взглядом в сердца и души человеческие и получив власть над силами земными, — теперь он был готов итти на службу ближнему

Воспитанные в духе безпросветного материализма, люди здесь приносят жертвы и делают добрые дела, ради сознания своего благочестия, ради возвышения своего социального положения, ради привлечения к себе благородных сердец.

Иначе совершалась забота святого Серафима о ближнем: она совершалась только Христа ради. Она и по существу и по форме отличалась от помощи материальной. Материальный мир по самой природе своей не может быть индивидуальным. Хотя некоторые виды материалистов и кичатся своим подвигом защиты индивидуальности, однако для них все несчастия людей расписаны по шаблону; по шаблону осуществляется ими и помощь ближнему.

Врачевание же Старца, видящего в недрах души каждого его личный недуг, обращается к приходящему и только к нему одному. Отказываясь от всяких обобщений, старец являет духовное участие в идеально индивидуальном порядке. Отстраняя общее — материальное, он взывает к тому, что составляет истинную индивидуальную личность каждого, выраженную одной из безчисленных граней живущей в человеке Личности Божества. Когда поймет человек весь благодатный смысл православного старчества, то станут ему ясны и цель и значение этой святой жизни, через сверхчеловеческие подвиги стяжавшей неземные сокровища. Теперь двери келии преподобного Серафима стали широко открыты и тысячами шел к нему за помощью народ.

Нет возможности перечислить все чудеса, сотворенные молитвами Серафима, но нельзя не упомянуть об одном из них: об исцелении Н. А. Мотовилова, записи которого явились одним из главных источников жития и учения Саровского Старца. Вот что пишет об этой чудесной встрече с Преподобным сам Мотовилов:

«Великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных великих ревматических и других болезней, с разслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, с язвами пролежней по спине и бокам, коими страдал неисцельно более трех лет. 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь. 7 сентября и 8 на день Рождества Божией Матери удостоился иметь я две беседы с батюшкой о. Серафимом, но исцеления еще не получил. А когда на другой день 9 сентября привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку, близ его колодца и четверо человек, носивших меня на своих руках, а пятый поддерживавший мне голову принесли меня к нему, находящемуся в беседе с народом во множестве приходившим к нему, тогда возле большой и очень толстой сосны и до сего времени на берегу р. Саровки существующей, на его сенокосной пожнинке, меня посадили.

На просьбу мою помочь мне и исцелить меня он сказал: «Да ведь я не доктор; к доктрам надобно относиться когда хотят лечиться от болезней каких нибудь». Я подробно разсказал ему бедствия мои и что я все главные способы лечения испытал, но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и затем ни в чем уже не полагаю себе спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатию Божиею. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня. И он сделал мне вопрос: «А веруете-ли вы в Господа Иисуса Христа, что он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?» Я отвечал: «верую». «А веруете-ли, продолжал он меня спрашивать, что Господь, как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?»

Я отвечал, что истинно всему этому всею душою моею и всем сердцем моим верю, и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к вам.

«А если веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!» «Как здоров, спросил я, когда люди мои и вы держите меня на руках» «Нет! — сказал он мне,—вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы в конец!» И он приказал державших меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли, и поставив на ноги мои сказал мне: «Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здоровы теперь». И потом прибавил, радостно смотря на меня: «Вот видите-ли, как вы хорошо теперь стоите». И он, отняв руки свои от меня, сказал: «Ну вот, уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой. Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места». Взяв меня за руку одною рукою своею, а другою в плечи мои немного подталкивая, повел меня по траве и по неровной земле, около большой сосны, говоря: «Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли!» Я отвечал: «да, потому что вы хорошо меня вести изволите!» «Нет, — сказал он мне, отняв от меня руку свою, — Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила, вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же». И стал толкать меня, чтобы я шел. И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал: «довольно уже. Что теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно? Отъял Господь беззакония ваши и грехи ваши

очистил есть Господь. Видите-ли какое чудо Господь сотворил с вами ныне: веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его и прилепитесь к Нему всею душою вашей и всегда крепко надейтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало по малу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий».

И довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым. Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога за дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцем Гурием, твердо без поддержки людской, сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом».

Последние годы болезнь ног не позволяла более Преподобному ходить в свою дальнюю лесную пустыньку и потому на полпути к ней ему построили небольшую келию у его целебного источника, где он обыкновенно теперь и принимал посетителей. Но вот стал приближаться конец времени земного его странствования. Уже давно в сенях его монастырской келии стоял, им самим выдолбленный дубовый гроб-колода. Часто теперь стал останавливаться подле него Преподобный, погружаясь в глубокие размышления.

25 марта 1832 года в последний раз явилась ему Пресвятая Богородица и на этот раз в присутствии благочестивой свидетельницы — монахини Дивеевского монастыря. Вот, как описывает это событие, дожившая до 1865 года старица Евпраксия:

«Батюшка за два дня приказал мне придти к этому дню. Когда я пришла, батюшка объявил: «нам будет видение Божией Матери» и, наклонив меня ниц, прикрыл свею мантиею и читал надо мной по книге. Потом подняв меня, оказал: «ну теперь держись за меня и ничего не убойся». В это время сделался шум, подобно шуму леса от большого ветра. Когда он утих, послышалось пение, подобное церковному. Потом дверь в келию сама собою отворилась, сделалось светло — белее дня и благоухание наполнило келию, похожее, но лучше росного ладана. Батюшка стоял на коленях, воздев руки к небу. Я испугалась. Батюшка встал и сказал: «не убойся, чадо; это не беда, а ниспосылается нам от Бога милость. Вот, Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица, грядет к нам!» Впереди шли два ангела, держа один в правой руке, а другой в левой руке по ветви, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их подобились золотисто-желтому льну и лежали распущенные на плечах.

Они стали впереди. За ними шли: св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Одежда на них была белая, блестящая от чистоты. За ними шла Богоматерь, а за нею двенадцать дев.

Царица Небесная имела на себе мантию, подобно той, которая пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую по шею большой круглой пряжкой, убранною крестами, разнообразно изукрашеными, но чем не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, было зеленое, препоясанное высоко поясом. Сверх мантии была как-бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, убраны были крестами. Ростом Она казалась выше всех дев. На голове Ее была возвышенная корона, крестами разнообразно украшенная, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на самое лицо Царицы Небесной. Власы Ее были распущены по плечам и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за нею попарно в венцах, в одеждах разного цвета, были разного роста, разных лиц и разного цвета волос, лежащих также по плечам, все великой красоты, но одни других были лучше и стали кругом всех нас. Келия сделалась пространная и верх весь исполнился огней, как бы горящих свеч. Светлее было полдней; свет был особый, непохожий на дневной свет, было светлее и белее солнечного света.

Я испугалась и упала: Царица Небесная подошла ко мне и, коснувшись правою рукою, изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся Нас. Такие же девы, как и ты, пришли сюда со Мною. Не убойся, Мы пришли посетить вас.»

О. Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятой Богородицей и Она говорила с ним столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великою радостью, спросила я о. Серафима, где мы. Я думала, что я уже не живая. Потом, когда спросила его: кто это? то Пресвятая Богородица приказала мне подойти к девам и самой спросить их. Они стояли постепенно по сторонам, как шли: в первых местах стояли великомученицы Варвара и Екатерина, во вторых св. первомученица Фекла и св. великомученица Марина, в третьих св. великомученица Ирина и преподобная Евпраксия, в четвертых св. великомученица Пелагея и Дорофея, в пятых преподобная Маркина и мученица Иустина, в шестых св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Я подходила к каждой из них, каждая мне сказала свое имя и подвиги мученичества и жизнь Христа ради, сходно с тем, как написано о них в Четиях-Минеях. Все говорили: «не так Бог даровал нам эту славу, а за страдания, за поношения. И ты пострадаешь.»

Видение кончилось тем, что Пресвятая сказала о. Серафиму: «Скоро, любимче мой, будешь с Нами.» Простились с ним все святые: Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов благословили его; а девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия. И потом в одно мгновение стало все невидимо. Видение продолжалось не один час.»

1 января 1833 года в церкви Зосимы и Савватия, где собственными руками Преподобный построил из кипарисового дерева святой престол, отстоял он раннюю обедню, причастился св. Тайн, затем, приложившись к Распятию обошел вокруг престола и, выйдя северными дверями, затворился в своей келии. Днем и вечером из келии доносилось пасхальное пение. Это была радость, «которой никто не отнимет», радость «победы, победившей мир», радость завершения тяжелого пути испытаний и подвигов и уже созерцания высшего блаженства.

По утру 2 января из щели запертой двери Преподобного стал пробиваться дым. Сосед по келии монах Павел и послушник Аникита сорвали дверь с крючка. На полу лежала потухшая свеча, от которой тлели одежды Преподобного. На коленях перед иконой Умиления стоял с закрытыми глазами и скрещенными на груди руками почивший святой Старец.

«Честна пред Господом смерть преподобных Его».

Трудно, воскресив летопись жития святого Серафима, остановить поток воспоминаний о Преподобном. Хочется еще и еще возвращаться к его словам, к его чудесам, к его прозорливости. И вот в заключение приведем еще два его замечательных назидания: первое относится к поведению верующих в отношении Божиего храма:

«Нет паче послушания, как послушание церкви! и если токмо тряпочкою притерешь пол в доме Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога! Нет послушания выше церкви! И все, что ни творите в ней и как входите и исходите, все должно творить со страхом и трепетом и никогда не престающею молитвою и никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви, ничего не должно говориться в ней! И что же краше, превыше и преслаще церкви? И кого-бо токмо убоимся в ней и где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда соприсутствует!»

Другое наставление дано было Преподобным старцу Надеевской пустыни Тимону, уже 20 лет почитавшему преподобного Серафима своим духовным отцом.

Да будут эти слова Саровского Прозорливца утешением и руководством для духовных отцов и братьев мирян, благодатью Божией сохраненных в ограде Церкви Православной, не соблазнившихся мздою искусителей и не испугавшихся кар князей мира сего:

«Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на белой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будеши от своего господина; но отдавай его торжникам: пусть куплю делают. Еще скажу тебе, отче Тимоне, не води дружбы и не имей союза с врагами Христовой Церкви!»

«Городок» бараков, сооруженный в Сарове для ста тысяч паломников, прибывших на торжества прославления Преп. Серафима в июле 1903 г.

САРОВСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1903 Г.

Приближался семидесятый год со дня кончины преподобного Серафима Саровского. Тысячи почитателей благочестивого Старца, посещавших его при жизни и уносивших с собой его благословение, духовное поучение, а часто и благодатное исцеление душевных и физических недугов, сменились толпами паломников, которые шли в Саров, чтобы по завету Батюшки Серафима «все что есть на душе, да все горе, припав к земле, принести на его гробик» и в сердцах которых он «живой есть и будет во веки». Монастырские летописи все больше и больше заполнялись записями о чудесных исцелениях по молитвам саровского чудотворца. Уже по всей России славилась память о новом угоднике Божием и в недрах Русской Церкви давно уже назревал вопрос о каноническом оформлении всероссийского прославления новоявленного святого.

В 1902 году Святейший Синод поручил Тамбовскому архиепископу Димитрию обследовать могилу и останки Преподобного, а также собрать весь имеющийся о нем письменный материал и устные свидетельства.

Прибыв в Саров, архиепископ Димитрий в присутствии сопровождавших его духовных лиц и чинов гражданской администрации, приступил к выполнению возложенной на него задачи. Когда разобрали часть надмогильного свода, то оказалось, что могила Преподобного совершенно затоплена водой, покрывающей крышку гроба. Владыка решил остановить начатую работу и испросить дальнейших указаний от Синода. Вскоре после этой экспедиции архиепископ Димитрий получил высокое назначение на Казанскую кафедру и в Тамбов прибыл новый Преосвященный Иннокентий. Тем временем в Петербурге было решено довести дело прославления преподобного Серафима до конца.

Среди личных бумаг покойного князя Михаила Сергеевича Путятина — строителя гробницы преподобного Серафима Саровского, — найдена его собственноручная карандашная запись, относящаяся к событиям предшествовавшим торжествам прославления, каковую, как оригинальный и еще не изданный документ — свидетельство очевидца и участника открытия, омовения и переложения честных мощей Преподобного из старого гроба в новый, мы и приводим дословно:

«Вспоминая милостиво одобренный их императорскими величествами в предшествовавшем 1901-ом году составленный мною проект и самое исполнение сооружения новой, вместо обветшалой старой гробницы святого благоверного великого князя страстотерпца Михаила Ярославича Тверского в тверском Спасо-Преображенском кафедральном соборе, государь император в 17-ый день декабря 1902 года в Царском Селе всемилостивейше соизволил осчастливить меня возложением на меня поручения сооружения жертвуемой их величествами раки для хранения честных мощей новоявленного угодника Божия преподобного Серафима Саровского, каковая рака должна быть изготовлена и доставлена на место ко времени, определенному Святейшим Синодом для торжества прославления Преподобного, 19-го июля 1903 года. При этом, государю императору благоугодно было повелеть мне: в тот же день 17 декабря 1902 года вечером отправиться к князю Алексею Александровичу Ширинскому-Шихматову, у которого на дому в тот вечер собирался личный состав коммиссии устройства предстоящего Саровского торжества, сообщить кн. Алексею Александровичу о возложении на меня работ по сооружению раки, и о том, что государю угодно, чтобы я отправился в Саров совместно с комиссиею, для предварительных соображений по архитектурной части и снятия плана внутреннего расположения саровского Успенского собора.

Находившиеся в то время в С. Петербурге члены саровской коммиссии: Высокопреосвященный Митрополит Владимир, архимандрит Серафим Чичагов — составитель истории Серафимо-Дивеевского ж. монастыря*) и князь А. А. Ширинский-Шихматов, забравши с собою меня и, командированного дворцовым комендантом, капитана Д. Н. Ломана с командою Сводно-гвардейского батальона (дворцовой охраны), вечером 9-го января 1903 года по Николаевской жел. дороге выехали в Москву, для дальнейшего

*) Впоследствии Митрополит Ленинградский.

следования через г. Арзамас в Саровский монастырь.

10-го января к вечеру мы прибыли в Дивеево, где имели ночлег и на другой день 11-го с рассветом тронувшись в путь, во время заутрени прибыли в Саров.

Между заутреней и ранней обедней, с благословения Владыки и отца игумена Иерофея, прибывшие в Саров с коммиссиею мирские люди были на исповеди и за литургиею — у святого причастия. По окончании литургии, в келии настоятеля монастыря игумена Иерофея состоялось совещание коммиссии с участием, прибывших в Саров из Тамбова Преосвященного епископа Иннокентия, протоиерея тамбовского кафедрального собора и епархиального архитектора. А в 3 часа пополудни отцы и гг. члены коммиссии перешли в часовню-усыпальницу и по совершении панихиды соборным служением, приступили к разработке и снятию с могилы преподобного Серафима, поставленного на ней усердием почитателей Преподобного, тяжелого чугунного надгробия.

По снятии и удалении сего надгробия из часовни, каменный свод могильного склепа был разобран и назначенные члены коммиссии с зазженными восковыми свечами спустились в могилу, для освидетельствования и приготовления гроба-колоды к поднятию. При помощи заведенных под гроб веревочных снастей, силою назначенных к тому лиц из монастырской братии и рабочих, гроб-колода был поднят и поставлен на деревянные балки, положенные на края могильного склепа; при этом, по заранее сделанному расчету, гробу дан был небольшой уклон вперед так, чтобы головная часть была несколько выше ног, для того, чтобы вода, накопившаяся в гробу за время бывшего на монастырском кладбище в 60-ых годах наводнения, могла бы вытекать из гроба через отверстие, бывшее в нижней торцовой части гроба-колоды и происшедшее от гниения дерева, долго стоявшего в промокшей могиле.

Затем гроб-колода был покрыт заранее приготовленным досчатым чехлом с положенным на него парчевым покровом, поверх которого был поставлен образ и перед ним зажжена лампада и в головах гроба-колоды установлен большой серебряный церковный подсвечник. По отпетии литии, отцы и гг. члены коммиссии тут же в часовне приступили к составлению протокола действий коммиссии за 11-ое января и распоряжением духовного начальства были установлены и объявлены часы совершения у гроба преподобного Серафима панихид, которые по просьбам множества притекающих в Саров богомольцев-почитателей приснопамятного Старца и отправлялись здесь ежедневно.

На другой день 12-го января члены коммиссии, оставив часовню с гробом Преподобного на попечение монастырского начальства, отбыли из Сарова к местам своих постоянных служебных занятий.

В течение почти полугода с 11-го января и до начала июля 1903 года, вода по каплям вытекала через отверстие из гроба-колоды, падая на дно могилы, благодаря чему ко времени назначенному для переложения мощей в новую раку — на 3-ье июля гроб-колода со всем содержимым в нем мог достаточно обсохнуть.

Работы по сооружению новой раки, состоящей из четырех частей, а именно: 1) каменной гробницы, установленной на ступенчатом помосте в правой подпружной арке Успенского Собора в Сарове, 2) сделанной на подобие старой дубовой колоды (новая — значительно легче старой, затворяющаяся ключем и приспособленная для помещения в каменной гробнице), 3) легкого из тонких кипарисовых досок гробика для положения в оный честных мощей и 4)

Соборы в Сарове

(Успенский с мощами преп. Серафима — справа)

бронзовой сени на 4-х каменных колоннах, завершающей собою все сие новое в Успенском соборе сооружение, — работы всех этих составных частей, производившиеся в разных местах: в С. Петербурге, в Москве и в самом Сарове, с помощью Божией шли успешно и 1-го июля все части сооружения были в готовом виде доставлены в Саров.

Все последующие действия коммиссии совершались под личным руководством прибывшего на сей предмет в Саров Высокопреосвященного Антония, Митрополита С. Петербургского и Ладожского и в то время первоприсутствовавшего в Святейшем Синоде.

3-го июля 1903 года в 9 часов утра в часовне у гроба преподобного Серафима Высокопреосвященным Митрополитом Антонием и сонмом духовных особ была соборне отслужена торжественная панихида, по окончании которой гроб-колода, поднятый назначенными к тому духовными лицами: архимандритами, игуменами и иеродиаконами, был перенесен в «больничную» св. Зосимо-Савватиевскую церковь, в алтаре коей и совершалось, на приготовленном между св. престолом и северной стеной алтаря столе, омовение честных мощей Преподобного, назначенными к сему деянию лицами: архимандритом Серафимом Чичаговым, о. иеромонахом благочинным саровским и о. протоиереем тамбовского кафедрального собора под непосредственным наблюдением самого Владыки Антония. От мирских человек по благословению Владыки удостоены были участия в сем деянии двое: 1) князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, председательствовавший в коммиссии устройства саровского торжества и 2) строитель раки для мощей преподобного (кн. М. С. Путятин, автор записки).

Сей смиренный «строитель», удостоенный столь великого счастья, священным долгом совести почитает засвидетельствовать о нижеследующем: честные мощи преподобного Серафима, завернутые в монашескую мантию и с войлочным куколем на голове, лежали во гробе-колоде на дубовых стружках, заполнявших собою и все свободные промежутки внутри гроба. От продолжительного действия мокрых дубовых стружек, как известно, имеющих специфические дубильные свойства, все содержимое в гробе-колоде: и самые честные мощи, и седые волосы на голове и брада и усы, и все одеяние преподобного, т. е. бёлье, холщевый балахон, мантия, епитрахиль и куколь, — все окрасилось в один цвет со стружками, цвет подобный корке черного хлеба.

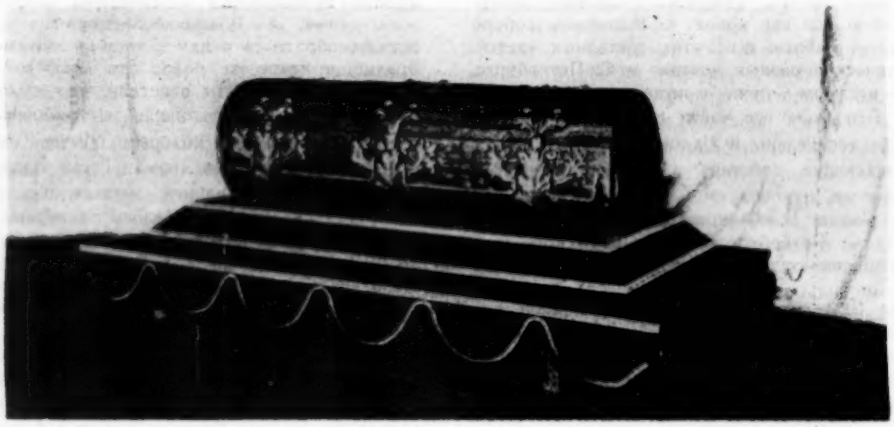
В видах соблюдения тишины и безмолвия, посреди церкви был установлен аналой с подсвечником и назначенным иеродиаконом обители читался канон вновь составленной «службы» преподобному Серафиму Саровскому.

С начала омовения честных мощей, извлеченных из гроба и положенных на стол, в алтаре стало распространяться ясно ощущаемое благоухание, как бы цветом гвоздики и свежего липового меда. Июльский день был ясный, солнечный, жаркий и церковные окна были открыты настежь. Некоторые из присутствующих и в том числе и «строитель» раки предполагали, что где нибудь поблизости косят траву и этот аромат производился скошенными цветами и свежим сеном. А Владыка Митрополит, проходя по церкви, обратился к нам с такими словами: «Братие, братие, а какое же у вас это мыло-то? что-то уж очень душистое!» Мы ответили, что мыло у нас то, что привез нам о. протоиерей из тамбовского собора, — мыло «грецкое», которым обычно омывают св. престол на освящении храма. Тогда Владыка осенил себя крестным знамением и всем нам стало ясно, какое благоухание разливалось по церкви.

Честные мощи преподобного Серафима Саровского относятся к разряду мощей не полного нетления. Неполность заключается в том, что при совершенной сохранности костей, соединительные ткани сочленений или суставов разрушены тлением вследствие чего, конечности в локтях и коленях легко разнимались. Также и глава, сама по себе превосходно сохранившаяся с крепко державшимися на ней головными волосами, бровями, усами и бородою, вследствие разрушения связок шейных позвонков, легко отделилась от туловища. Верхние кожные покровы повсюду хорошо сохранившиеся, плотно облегая скелет, как-бы к нему присохли, вследствие чего кисти рук в запястьях и ступни в щиколотках остались на своих местах не отделенными, а лик Преподобного сохранил следы сходства с его иконным изображением.

На груди поверх епитрахили, по обычаю иерейского погребения, лежало молебное Евангелие, а в кисти левой прижатой к груди руки был бронзовый нательный крест — «материнское благословение», с которым Преподобный никогда не разлучался и с ним на груди и скончался. Этот крест Владыка Митрополит осторожно с благоговением вынул из руки Преподобного и бережно отвез его в Царское Село, самолично вручив его их императорским величествам. Государыня императрица Александра Феодоровна, благоговейно чтившая память Преподобного, изволила соорудить для сей святыни драгоценный ковчег со златою цепью и, по прибытии в Саров на торжество открытия мощей и прославления Преподобного Серафима, 18-го июля по окончании вечерни в Зосимо-Савватиевской церкви совместно с отцами игуменом Иерофеем и архимандритом Серафимом Чичаговым возложила сие усердное свое приношение на честные мощи Преподобного.

Государь император с государынями императрицами Марией Феодоровной и Александрой Феодоровной прибыли в Саров к началу вечерни в Зосимо-Савватиевской больничной церкви, где честные мощи, после их омовения 3-го июля и пребывания в течение трех дней на особо уготовленном на горнем месте алтаря, накрытом скатертью столе при открытых окнах для просыхания, архимандритом Серафимом Чичаговым, совместно с отцом игуменом Иерофеем были положены в кипарисовый гробик, вставленный в художественно исполненное подобие старого гроба-колоды и заперты на ключ. По окончании вечерни сей гроб-колода в присутствии пришедших в больничную церковь государя императора и членов августейшего семейства был возложен на сооруженные для крестных ходов с честными мощами носилки. При начале благовеста к торжественному всенощ-



Гроб-колода, сооруженный для хранения честных мощей Преп. Серафима

ному богослужению в Успенском соборе государь император с великими князьями Сергеем Александровичем, Николаем и Петром Николаевичами и князем Юрием Максимилиановичем Романовским подняли честные мощи на плечи (на рамена) свои и в предсшествии Владыки Митрополита с сонмом духовных особ и хора певчих, с крестами, хоругвями торжественно перенесли честные мощи в Успенский собор, установив гроб-колоду на приготовленном посреди собора, покрытом парчевою пеленою столе.

На «полиелее» настоятель монастыря поднес государю императору на блюде ключ, приняв который, государь император, при пении «величания», вместе с Владыкою Митрополитом приблизились к столу, открыли гроб-колоду и, по совершении земных поклонов, приложились к честным мощам.

18-го июля 1903 года.

М. С. П.»

Итак, наступил этот давно жданный русским народом день — день торжественного причисления одного из величайших подвижников Русской Церкви к лику святых. Недавно вернулся я из поездки по святым местам Палестины и могу заверить читателя, что нет православного храма в Святой Земле, где бы не стояла икона преподобного Серафима. Как богата Русская Церковь именами великих святых, сыгравших немалую политическую роль в истории своей страны, в то время, как преподобный Серафим был так далеко от политики и прославился лишь, как устроитель частной, индивидуальной жизни каждого прибегавшего к нему и, тем не менее, не о блестящих именах Сергия Радонежского, Александра Невского, Митрополита Алексия или Патриарха Гермогена, а именно о святости этого «убогого» старца распространилась весть по всему миру. Нынче мы празднуем всего лишь первые пятьдесят лет его прославления, а слава о нем облетела весь земной шар и есть не мало инославных, которые с верой и благоговением чтут его память и прибегают к его заступничеству; а если православные Америки так мало знают о его подвигах, то это только потому, что они слишком заняты другими делами и не достаточно интересуются жизнью своей Церкви.

Итак, уже за десять дней до назначенного дня прославления, народ тысячами ежедневно валил в глушь Темниковского леса к стенам Саровской обители. Быстро наполнялся «городок» выстроенный специально к этому дню для приема паломников.

12-го июля прибыл Митрополит Антоний. Помимо Митрополита столичное духовенство было представлено ректором духовной семинарии архимандритом Сергием, наместником Александро-Невской Лавры архимандритом Корнилием, ризничным Лавры архимандритом Гедеоном, правителем дел лаврского духовного собора архимандритом Макарием, архидиаконом Лавры Иоанном, известными проповедниками протоиреем Орнатским и священником Рождественским и др. Кроме того прибыл митрополичный хор в составе 60 человек.

В воскресение 13-го июля, по просьбе сестер Дивеевского монастыря, Митрополит Антоний в сослужении с владыками Назарием Нижегородским и Иннокентием Тамбовским совершил литургию в Дивеевском соборе Пресвятой Троицы. Завещанная первым игуменом Преподобного — отцом Пахомием на попечение иеромонаха Серафима, обитель эта сохранила к памяти святого Старца особое благоговение. В Дивеево были перенесены обе лесные (ближняя и дальняя) келии-пустынки, из которых дальняя была обращена в алтарь храма Преображения. В этом храме хранилась икона «Умиления» Пресвятой Богородицы, празднуемая в день св. Прохора 28-го июля и перед которой в молитвенном коленопреклоненном положении и скончался преподобный Серафим. В четырех витринах там же хранились: епитрахиль,

мантия, скуфейка, книги, лапти, топор, часть камня, на котором 1000 ночей промолился он в лесу и пр. Умилительна преданность дивеевских монахинь и вера их в своего «Батюшку Серафима»: из четырех приделов этого храма, законченного постройкой в 1875 году, один хранился неосвященным и был предназначен имени преподобного Серафима, прославления которого они 28 лет с верою и терпением ждали. 22-го июля, т. е. через 3 дня после прославления, Серафимовский придел в Спасо-Преображенском храме Дивеевского монастыря был освящен.

16-го июля в 12 часов дня по призыву большого колокола в Успенском соборе Митрополитом Антонием в сослужении с тремя преосвященными, 11-тью архимандритами, 19 иереями и при пении двух хоров: петербургского митрополичьего и тамбовского архиерейского была совершена торжественная панихида по благочестивым царям и царицам, при коих протекла жизнь Преподобного, по Владимирском епископе Викторе, рукополагавшем отца Серафима во иеродиакона, по епископе Феофиле Тамбовском, совершившим хиротонию Преподобного во иеромонаха, по всем последующим Тамбовским преосвященным, по игуменам Саровским при которых подвизался Преподобный, а также по его родителям Исидоре и Агафии. В тот же вечер во всех храмах монастыря были отслужены заупокойные всенощные с поминованием приснопамятного иеромонаха Серафима.

17-го июля в 7 часов утра из ворот монастыря вышел крестный ход, на котором хоругви, кресты и иконы несли, съехавшиеся из разных концов России, представители Общества хоругвеносцев. Сопровождаемый Владыкой Иннокентием, крестный ход перешел за реку Сатис и остановился вблизи опушки леса на возвышенном открытом месте. Около 8 часов из лесу показались крестные ходы Дивеевского и Понетаевского монастырей, воздвигнутых усердием прославляемого Преподобного. Все три крестные ходы соединились в одно общее величественное шествие которое, блистая своими облачениями и крестами на ярком июльском солнце, направилось к монастырским воротам и затем в Успенский собор к заупокойной литургии.

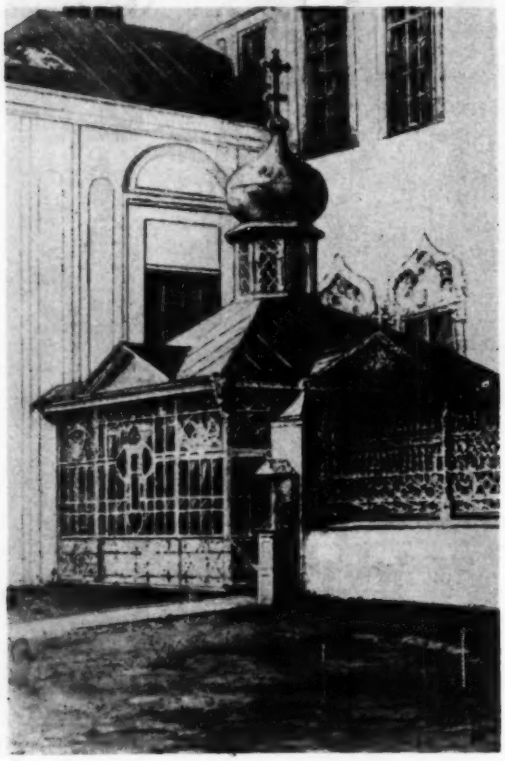
18-го июля в 8 ½ часов утра начался благовест к последней заупокойной литургии по приснопамятном иеромонахе Серафиме, по окончании коей редкие удары колокола стали призывать народ к панихиде, чтобы помолиться в последний раз об упокоении его души. Панихида закончилась литией на могиле Преподобного, после чего Митрополит Антоний освятил драгоценную раку, сооруженную для хранения честных мощей святого Серафима. Это надгробное величественное сооружение, весившее около 2000 пудов и стоившее 35.000 рублей было построено исключительно из русского материала. Каменная (в память подвига моления Преподобного на камне) сама гробница сложена из русского «вазалемского» (желто-серого) мрамора и поставлена на высоту трех, ведущих к ней, мраморных ступеней. Резьба на мраморе — без шлифовки и позолоты в ознаменование убогой простоты Преподобного.

Сень и рака с мощами Преп. Серафима

На головной стенке гробницы вокруг узорного креста высечены два текста из Писания: «Праведницы же во веки живут и в Господе мзда их, и попечение их у Вышняго» и «Хранит Господь вся кости их: ни едина же от них сокрушится». По обе стороны на боковых стенках гробницы помещена летопись о главнейших событиях из жизни Преподобного. В ногах на круглом щите, увенченном шапкой Мономаха высечены начальные буквы жертвователей этой гробницы, а вокруг щита выгравирована молитва, составленная самим Преподобным и собственноручно записанная им в одной из его богослужебных книг: «Спаси, Господи, и помилуй раба (имя рек) и просвети ему ум светом разума святого Евангелия Твоего и настави его на стезю заповедей Твоих и научи его, Спасе, творити волю Твою, яко Ты еси Бог наш».

3½-ойпудовая серебрянная крышка представляет собою иконописное изображение святого Серафима, лежащего во гробе, — работы, как и прочие иконы сего сооружения, палехского иконописца Василия Павловича Гурьянова. На углах рамы чеканные по серебру изображения шестикрылых серафимов, а между ними вязью написан тропарь общий преподобным.

Церковь над могилой Преп. Серафима



Над гробницей на четырех колоннах из киевского лабрадора возвышается бронзовая золоченая тонкой чеканной работы сень, исполненная в древнем Владимиро-Суздальском стиле. Увенченная пятью золоченными главками, сень эта имеет 12 аршин высоты. В арках, кокошниках и купольных окнах написаны иконы с изображением событий из жизни Преподобного, святых учителей и отцов Церкви, с которыми Преподбный пребывал в постоянном духовном общении и творениями коих назидался и готовился к своему совершенству; а также иконы святых Исидора, Агафии, Прохора и других близких сердцу Преподобного имен.

В дополнение к приведенному выше описанию очевидца и участника, торжественной вечерней службы в Успенском соборе, скажем только, что богослужение отправлялось в первый раз по новой «Службе преподобному отцу нашему Серафиму Саровскому Чудотворцу». От начала литии весь стоящий в соборе народ зажег свечи, которые держал в руках всю последующую часть всенощной. При пении митрополичьим хором литийных стихир, крестный ход двинулся в Зосимо-Савватиевскую церковь, откуда и совершил, перенесение мощей, предварительно обойдя собор и останавливаясь у каждой его стороны для прочтения литийных ектений.

Величественную и трогательную картину представляло перенесение честных мощей. С появлением гроба в наполненном богомольцами монастырском дворе послышались рыдания, у всех были слезы умиления на глазах. На пути шествия крестьяне расстилали куски холста, полотенца, мотки пряжи. По сторонам лежали больные и убогие. В эти минуты высшего молитвенного напряжения десятков тысяч верующих совершилось несколько случаев исцеления. Всю ночь, по окончании службы, собор оставался открытым и богомольцы непрестанной вереницей прикладывались к св. мощам и получали помазание елеем.

Всю ночь напролет во всех храмах и часовнях, как монастыря, так и «городка» где разместились паломники, служились теперь уже молебны Преподобному.

19-го июля в 8 часов утра в Успенском соборе началась поздняя литургия. На малом входе при пении «Приидите поклонимся...» архимандриты подняли, стоявший посереди собора гроб и, обнеся его вокруг престола, опустили в новую гробницу.

По окончании литургии во время молебна, когда пропели тропарь святому, архимандриты снова вынули мощи из гробницы и крестный ход обошел все монастырские храмы. Как и накануне вечером, живой стеной стоял народ по его пути. По возвращении в собор, Митрополит Антоний при коленопреклонении всех присутствующих, прочел молитву преподобному Серафиму, после чего молебен закончился положенными по обычаю многолетиями.

Так закончилось великое торжество Русской Церкви. В своем прославлении, которого ждала и желала вся православная Россия, преподобный Серафим объединил всех пришедших на его праздник в единое стадо Господне. Событие это также послужило и еще послужит в назидание и тем, кто, в недоумении и смуте нравственной и религиозной, всеже искренне и нелицемерно шел тогда на зов саровского колокола и теперь стремится уяснить себе цель жизни и старается стать на добрый путь, обращаясь в молитвах своих за помощью к Саровскому Чудотворцу.

Первый в мире Серафимовский храм был освящен на третий день его прославления 21-го июля в Сарове над монастырской келией Преподобного. В этом храме собраны 42 принесенные в дар обители ко дню торжества хоругви, а также некоторые сохранившиеся вещи Преподобного. Как было уже указано, на следующий день освящен был и второй храм в его честь — придел в Дивеевском Преображенском монастыре.

Кончились торжества, но еще долго не расходился народ. Сотнями, а в некоторые дни тысячами насчитывались причастники. Толпами ходили русские люди по всем любимым местам Старца: и у дальней его пустынки, и у камня, где молился он, и у источника, где столько раз проявлялась целительная сила его святых молитв.

А. Путятин

О СТЯЖАНИИ ДУХА СВЯТОГО

Беседа Преподобного Серафима Саровского

с Н. А. МОТОВИЛОВЫМ

«Это было, — пишет Мотовилов, — в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, проходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали.

Я должен сказать тут, что с 12-ти летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила и я. действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определенно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божьего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «всяк иже не собирает со мной, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «во всяком языце, боящся Бога и делаяй правду, приятен Ему есть».

И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию, сотнику, боявшемуся Бога, и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечного, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни паки-бытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешные спасти, и приобретением себе благодати Духа Святого, вводящего в сердца наши царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель дает средства на их осуществление. За человеком остается осуществить их или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «аще не бысте ведали, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не в праве жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда, только при делании какого либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святого и притом, как сказано: «не в меру бо дает Бог Духа Святого. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

— Так-то, ваше Боголюбие. Так и в стяжании этого то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели, суть только средства к стяжанию Духа Божьего.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима: — я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он: — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег?

Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской

Торжественное перенесение гроба-колоды с честными мощами Преп. Серафима в Успенский собор в Сарове 18 июля 1903 года

обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он как и денежный, чиновный и временный приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею и говорит всем нам: «купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», т. е. выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары это — добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа.

В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не достало елея, сказано: «шедше купите на торжище». Но, когда оне купили, двери в чертог брачный уже были затворены и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильное. Какой же у них недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, но все же девами называются? Ведь девство наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей.

Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятого Духа Божьего не доставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы, де, добродетель и тем, де, и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божьего, и говорится в отеческих книгах: «ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово».

Антоний Великий, в письмах своих к монахам, говорит про таких дев: «многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: 1-я Божия, всесовершенная и всеспасительная: 2-я собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, а 3-я бесовская, вполне пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша, — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг, научает творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святого, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться немогущего. Оно то, это стяжание Духа Святого, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святого, без которого

и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется же Тройческим единством священнотайне».

Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное стяжание Духа Святого, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божиему всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: «вселюся в ним и похожду и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с ним в чертог радости. Юродивые же, видевшие, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище да купят елея, но не успели возвратиться во время, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и недопустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них благодать Всесвятого Духа Божия, претворяющая оные от сего в сие, т. е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «се стою при дверях и толку»... разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью! О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием, «В чем застану, в том и сужу», говорит Господь.

Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет? Вот почему сказано: бдите и молитеся, да не внидите в напасть», т. е. да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как оружие для стяжания благодати Духа.

Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — богатому и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику.

Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она ото всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только-что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «не меня ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверянной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее!».. и воскресил его Господь.

Так то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исполнять. Блаженны будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Его Святого Духа. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех, в сретение Господа на воздусе, грядущего со славою и силою многою судити живых и мертвых и воздати коемуждо по делом его.

Вот ваше Боголюбие за великое счастие считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благодати и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостоиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных ему мерах небесной Своей благодати. И, когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего ж и молиться тогда Ему: «приниди и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его Святое во истине, т. е. с тем, чтобы смиренно и с любовию сретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот, хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости де, просим, пожалуйта, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума что ли выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет. Так-то и до Господа Бога Духа Святого относится. Потому-то и сказано: «упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», т. е. явлюсь и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными.

Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, т. е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упразднить от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя от них при молитве необходимо упразднить, но, когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволить Господь Бог Дух Святой посетить нас и придет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упразднить.

Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святого надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит при том быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое» и в общение с Ним не может войти никто-же от скверны плоти и духа.

— Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святого? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божьего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите; и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда я не был еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте; и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «непрестанно молитеся». но да ведь, как помните, и прибавляет: «хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», т. е. делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е., вящем приобретении обильнейших даров Духа Святого.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот присноиеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали в себе: в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет? и если — в Духе, то благословен Бог. Не о чем горевать: хоть сейчас на страшный суд Христов. Ибо, «в чем застану, в том и сужу». Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас и снова искать доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благостию. На отгоняющих же нас от Него врагов надобно так нападать, покуда и прах их возьмется, как сказал пророк Давид: «пожену враги моя и постигну я и не возвращусь, дондеже скончаются; оскорблю их, и не возмогут стати; падут под ногами моима».

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святого требующим по примеру свещи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятого Духа Божия? Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает; богатсто же небесное Божией благодати, чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать Самарянке: «пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

— Батюшка, — сказал я, вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого, как о цели христианской жизни: но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной он или нет?

Мы в настоящее время, — так отвечал старец. — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общению человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно-христианской жизни. Нам теперь кажутся странными свидетельства Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «и виде Адам Господа, ходящего в раи», или когда читаем у апостола Павла: — «идохом во Антиохию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий идет с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот, некоторые и говорят: — «эти места непонятны. Неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого что мы удалились от про-

стоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так, Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрех моих?» т. е. как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих.

Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или что то же — явная благодать Духа Святого, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святого люди не во сне видели и не в мечтаниях, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве.

Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждующих правды Божией.

Многие толкуют, что когда в Библии говорится: «вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной» — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святый апостол Павел утверждает: «да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвый был создан, но действующим животным существом подобно другим, живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святого, от Отца исходящего и в Сыне почивающего, и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как бы ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутрь себя Духа Святого, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святого внутрь неимущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и бысть «Адам в душу живу», т. е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам был сотворен до того неподлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него, как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет да и едва ли когда нибудь на земле будет человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполно все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении.

Вот по этому то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу и всемогущество и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти землей, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раи, насажденном Им посреди земли.

Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог насадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего Дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил и плоти, души и духа и непрестранную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией, — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступлением заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен».

Однако это не значит, чтобы Духа Божьего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а появлялось только отвне и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после

падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относящиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святого Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьего или Ангелов и отличать действие Духа Святого от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшееся очевидными чудесными событиями. Не с такою силою, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчницы, сивиллы, которые обрекали себя на девство хотя для Бога неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному исканию не непричастными Духу Божиему ибо сказано: «языки неведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает «истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском народе священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведающих Бога, а все-таки сохранилось ведение Божие, т. е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания, не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющей стереть главу змиеву.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении своем, дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую адамовскую благодать Всесвятого Духа Божиего. Но мало сего, — ведь говорил же Он им: «туне есть им, да Он идет к Отцу: аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он Утешитель, наставит их и всех последующих им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать.

И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святого в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую, огневдохновительную благодать Духа Святого, когда подается она нам всем верным Христовым в таинстве святого крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных Святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «печать Дара Духа Святого». На что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святого, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле: — что, де, он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить.

И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякие скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь мало-по-малу, лишаемся благодати Всесвятого Духа Божиего и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утренневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради — к приобретению Духа Святого, внутри нас действующего и внутри нас царствие Божие устрояющего. Слово Божие не даром говорит: «внутрь вас есть царствие Божие и нужно есть оно, и нужденицы е восхищают». То есть, — те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи придти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, — презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся

расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. «Приидите, говорит Господь, и аще грехи ваши будут яко багряно, то яко снег убелю их».

Так некогда святый тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых т. е. одеждах оправдания и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуия». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «сии суть приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доныне закаляемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам вечное и неоскудеваемое спасение наше в напутие живота вечного, во ответ благоприятен на страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе, денница. Хотя враг и диавол и обольстил Еву и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу и Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. Поэтому самому Божия Матерь и называется «Язвою Бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

Еще, ваше Боголюбие, должен я убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святого, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует с Ним всегда тождественно, радостворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской, «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки: «имеющий благодать Святого Духа за правую веру во Христа если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии:«в Том живот бе и живот бе свет человеком» и прибавлено: «свет во тьме светит и тьма его не объят». Это значит, что благодать Духа Святого, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: Авва Отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту! А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею и как распознать ее и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Святого Духа есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: «светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой получение мне было, тогда убо погибл бых во смирении моем. То-есть, — благодать Духа Святого, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святого, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим знанием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих.

И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого на тех людях, которых Он освещал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него, — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак», сказано, «осени их». И таким то образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «вся проста суть обретающим разум»... Да беда-то вся наша в том, что сами-то не ищем этого разума божественного, который не кричит, ибо не

от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины прити». Апостолам же своим про недостаток этого разума Он сказал: «ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания и притчи сии не разумеете ли»... Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум» и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них, или нет; и проникнутые им, видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что их дело свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам», и только на этих основах и предлагали свои послания, как истину непреложную, на пользу всем верным — так св. апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божия... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто.

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал Вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько.

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

О. Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами светлы так же стали, как я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к нам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей. И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что-же, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто, не убойтесь: Господь с нами.

Я взглянул после этих слов в лицо его и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуется, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу осыпающую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо, — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, тот мир, про который Господь сказал ученикам своим: «мир Мой даю вам, не яко же мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил бы свое, но яко же избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете, — «мир», по слову апостольскому, «всяк ум преимущий». Таким его называет апостол потому, что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость, — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «от тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилкам нашим неизреченным услаждением. От этой то сладости наши сердца, как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же вы еще чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце.

И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий сниходит к человеку и

осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которою Господь говорит в Евангелии Своем: «жена, егда рождает, скорбь имать, яко приниде год ее, егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радостью, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше и радости вашея никтоже возьмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «терпящии же Господа, тии изменят крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу и небесных видений»... Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей и никтоже возьмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из ней столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей, я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но и те духи не издают такого благоухания.

И батюшка о. Серефим, приятно улыбнувшись, сказал: — И сам я, батюшка, знаю это точно, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, — так ли вы это чувствуете. Сущая правда, ваше Боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земного может быть подобно ему? Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть тепло это не в воздухе, а в нас самих. Она то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу «теплотою Духа Святого согрей мя». Ею то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие теперь внутрь нас и находится, а благодать Духа Святого и отвне осиявает и согревает нас, и преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земные премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе»... Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую святой Макарий Египетский пишет: «я сам был в полноте Духа Святого»... Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь чувствую, эту милость Божию.

— А я мню,— отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей: благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима; тем более, что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любви к Богу и ближнему — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое», говорит Он: «а все прочее Я сам приложу тебе»: ибо в сердце чело-

веческом может вмещаться Царство Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требует». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, т. е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что по его мнению нет ничего лучше на свете, как благочестие соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господем Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнять закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы воспринять на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавления многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасение. «Жатвы бы много», говорит Господь, «делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодатии Своей, чтобы пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесять, ово шестьдесять, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденными с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господу своему, один — вместо двух — четыре, а другой вместо пяти— десять: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные чрез пророка, сбылись на нас: «Несмь Аз Бог издалече, но Бог вблизи, и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехвалюсь говоря я это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет. «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его». Лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по сыновнему. Господь равно слушает и монаха и мирянина простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горчишно» и оба двинут горы, «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больша сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просисте ничесоже во Имя Мое, ныне же просите...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все воспримете, лишь бы только то было во славу Божию, или на пользу ближнего, потому что и на пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «вся, яже единому от меньших сих сотворите, Мне сотвористе». Так, не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его; благ Господь всяческим, щедрит же и дает призывающим о имени Его и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит и весь совет исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не передаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром.

И во время всей беседы этой с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

***

Поразительное, воистину предивное, откровение дано Богом в лице Преподобного Серафима, и

сильнее всего, — в этой чудесной «беседе». И откровение это дано не для одной лишь Русской Церкви, но и всему миру, — как заявил и сам богоносный Угодник.

В самом деле: приникнем хоть немного к тому, что здесь описано верным очевидцем, Н. А. Мотовиловым. Здесь все чудесно, все поражает.

И прежде всего: как этот мирской человек мог записать подобную беседу с такою подробностью, ясностью и точностью? Если бы он был и ученый богослов, и тогда немыслимо было бы записать все, что здесь высказал Преподобный. Это возможно было только чрез дивное особое внушение Духа Святого, как объяснил недоумевающему слушателю преп. Серафим.

А если бы кто допустил предположение, что беседу составил и написал сам Н. А. Мотовилов: это было бы не меньшим чудом; потому что не только обыкновенному мирянину, но и ученому богослову наших дней не под силу было бы столь глубоко проникнуть в сущность христианства, — не говоря уже о благодатных проявлениях в Преподобном во время его преображенного состояния. Совершенно несомненно отсюда, что дивная по содержанию беседа эта является чудесным Божественным Откровением Духа Святого.

Да так именно и свидетельствует св. Серафим: Мотовилов и не спрашивал его о предмете беседы — сущности христианства, — и никогда не говорил ему ничего; и сам забыл о своих прежних недоумениях. Преподобный же узнал об этом, напомнил ему и сказал, что Сам Господь открыл все это.

А потому вся беседа приобретает чрезвычайное значение, наряду с величайшими произведениями самых великих святых отцов церкви. И к какому вопросу ни подойдешь, все в ней поражает.

Начнем с самого главного, с разъяснения «сущности христианства». Вот теперь все, читающие житие святого и эту беседу, стали повторять бойко и даже с легкомысленным дерзновением (будто мы и сами — опытны в этих предметах!) его слова: сущность — «в стяжании благодати Святого Духа». Говорим мы об этом и в проповедях своих. Но давно ли эта мысль стала общим достоянием? Так ли думали прежде, всего лишь два-три десятилетия назад? Да так ли думают еще многие и теперь? А если и думаем так, то понимаем ли всю глубину, ощущаем ли внутренним духовным опытом суть этой сущности: «благодати»? Не пустое ли еще для нас это слово? Не играем ли мы им, как неразумные и несмыслящие дети, с чужого голоса повторяющие непонятные им звуки и речи?

Но благодарение Богу и за то, что хотя бы один из людей нашего времени не только знал, но и обладал во всей полноте этой сущностью — благодатию Святого Духа.

Многие из нас почти и не слышали об этом; а если кто и слышал, то не дерзал думать, чтобы обладал этим «стяжанием», считая благодать Святого Духа уделом разве одних святых... В самом деле, как многие из нас думали о христианстве?

Христианство, это — религиозное «учение», предмет «веры», «догмат», которые нужно принять, хранить и исповедывать во спасение свое...

Христианство, это — обряды, церковный строй, религиозная организация, — с богослужением, храмами, иерархией, монастырями, постами и всем прочим бытом.

Христианство, — думают даже иные, — это одна из попыток социального земного устройства бедного мира. Или во всяком случае — полезная теория для укрепления нравственных основ общества и государства.

Другие не боятся даже кощунственно заявлять, что христианство есть пустая мечта, фальшиво утешающая несчастных бедняков нашей планеты несуществующим блаженством; и что в самом деле «небо пусто», и ничего, кроме земных наслаждений, нигде нет и не к чему стремиться, кроме земли: «ешь, пей, веселись» (Лук. 12, 19). А кто думает иначе, тот «несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15, 16.) —

Не весь ли почти мир теперь так мыслит? Все заняты политически социальным устройством. А христианство беспомощно стоит в стороне, не имея сил вдохнуть жизнь в дряхлеющий мир... Пытаются иные, — в частности католическая церковь, и менее — протестанское исповедание, — содействовать экономическим реформам запутавшегося в кризисах мира; и полагают, будто в этом и состоит служение христианства человечеству, особенно в наше время; не сознают они, что таким пониманием христианства они свидетельствуют о собственном омертвении духовном и этим поют надгробную песнь своим исповеданиям.

Но не думая о других, всмотримся в себя, в нас, православных: кто же теперь думает о «благодати», как главной цели нашей жизни? Да и знаем ли мы ее? живем ли в Духе Святом?.. Непонятные слова... Чужие речи на незнакомом языке...

По вере, по традициям, продолжаем пребывать христианами, ходим в церковь, исполняем «долг» говения, храним обряды, живем мыслью о будущем суде...

И вдруг слышим преп. Серафим: если кто внешне все это исполняет, не достигая благодатных результатов, хотя бы был и монах, тот — «черная головешка», из коей уже не может произрасти живого дерева...

А что же нужно? Нужно быть в благодати Животворящего Духа... Без этого все напрасно: и добрые дела, и молитвы, и девство. Все — пустой колос без зерна.

Современный мир, даже христианский, до такой степени ушел от истинного понимания христианства, как благодатной жизни, что иным даже кажется, будто преподобный Серафим дал какое-то новое откровение, или неведомое истолкование христианскому учению. Но это совершенно неверно. И Слово Божие и творения Святых Отцов Церкви и говорили и говорят о той же самой сущности христианства, как и богоносный батюшка, о. Серафим.

Учение его было и есть всегдашнее неизменное учение христианства.

Какая слава для Православия, что именно оно возрастило такого великого Святого, подобного которому не знает католичество (а у протестантов вообще нет святых)!

Как земля, орошенная обильным дождем после засухи, так и христианство после преп. Серафима оживает для нас, начинает зеленеть, светиться подлинным своим светом! «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне», — поет Церковь со святым Серафимом. Радуемся с ними и мы!

БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК И БУДУЩНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ

«Если вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер». (I Кор. 14,9).

Не подлежит сомнению прискорбный факт, что большое число молодежи ежегодно отпадает от Православной Церкви. Несомненно также, что *одной из причин* этого печального явления и вообще равнодушия молодежи к учению Церкви является употребление непонятного для нее языка в наших проповедях и богослужении.

Те, которые родились в Америке и для которых обыденным языком является английский, не могут сознательно и с душевным расположением принимать участия в богослужении, языка которого они не понимают. Они не в состоянии воспринять учения своей Церкви, не могут знать его, если это учение преподается им на непонятном для них языке.

Конечно, введение английского языка в наше богослужение было бы лишь только *частью* мероприятий, необходимых для возвращения в лоно святой Церкви хотя бы некоторых из заблудших чад. И все же, когда поднимается вопрос о введении английского языка в церковный обиход, с разных сторон слышится громкий протест.

Однако, пользование английским языком в богослужении не нарушило бы ни чистоты веры, ни церковной дисциплины, ибо употребление туземного языка имеет глубокие корни в древней церковной практике.

Тех, которые борются против введения английского языка в богослужении Православной Церкви, можно разделить, примерно, на четыре группы:

1) Это те, которые пользуются Церковью, как орудием для распространения или удержания иностранного национализма и для которых Православие, если оно, скажем, не *русское*, уже совсем не Православие.

2) Те из иммигрантов, которые настроены консервативно, или, просто, по старости лет не понимают, какая была бы польза для молодежи слышать молитвы на «ее» языке. Многие из этих старых прихожан перешли из унии и там привыкли бояться всякого новшества в обряде, и для них введение английского языка в богослужение кажется искажением почитаемого ими древнего «восточного» обряда; по складу их мышления у них не может быть той ревности к миссионерскому подвигу, которая наблюдалась в России и особенно в Сибири.

3) Эстеты, которые не видят красоты в церковных службах, если эти службы не совершаются на славянском языке; они боятся, что с переменой языка утратится красота древних напевов, в которых они видят чуть ли не сущность Православия.

4) Наконец, та группа людей, которые не вникают в сущность Литургии и таинств и смотрят на них как на какие-то магически действующие «мистические формулы». Эти люди не хотят, чтобы «формулы» изменили свою внешность, полагая, что с тем теряется и сила действия.

Прежде всего надо сказать, что *те, которые ратуют против пользования английским языком в богослужениях, не имеют истинного понятия о конечной цели Христовой Церкви в этом мире.* Они являются противниками учения Христа, Который сказал: «Научите все народы», и забывают, что Апостолы в день Пятидесятницы проповедывали учение Христа на разных языках и обратили тысячи людей ко Христу. Наконец, они упускают из виду традиции и практику как Вселенской, так и Русской Церкви, сохранившей Православие неповрежденным до сего дня.

В защиту своего взгляда противники введения английского языка в православное богослужение любят ссылаться на практику римско-католической секты, которая в своих служениях почти всемирно пользуются латинским языком. Они спрашивают, почему такого же единства языка невозможно держаться в Русской Православной Церкви?

Но прилично ли православным искать подтвер-

ждения и оправдания своего взгляда в практике иноверцев? Практике осуждаемой всеми православными богословами?

С другой стороны, хотя самое богослужение в римской секте и совершается на латинском языке, но, вместе с тем, их миряне в Америке получают все объяснения и обильную информацию через посредство несметного количества литературы, молитвенников, журналов, брошюр, газет и пр. на *английском языке*. У них постоянно читаются лекции, организуются собрания, миссии и паломничества. Римская секта в Америке несомненно имеет превосходную духовно-воспитательную систему, которая проводится в жизнь ревнителями ее благочестия, в то время, как те православные, которые призывают нас подражать римско-католической практике в вопросе употребления древнего языка, *почти ничего* не внесли в дело воспитания нашей молодежи в отеческой вере. Они тратят много времени и средств на распространение «русской культуры», но, покровительствуя «русским школам» и «читальням» при наших приходах, они при этом отлично знают, что лишь незначительное число их учеников научилось говорить по-русски, а еще меньше усвоило православное вероучение, моральную сторону его, церковную дисциплину и церковное благочестие вообще.

Совершая свои служения на чуждом мирянину языке, римская община поступает против заповеди святого Апостола Павла, одного из главных основателей древней Римской Церкви. Апостол ясно говорил: «Когда я молюсь на незнакомом языке, то, хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом. Ибо, если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина, как скажет «аминь» при твоем благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом своим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке».

Упомянутые здесь слова *«благодарение»* (по греческому подлиннику *«евхаристия»*) и «аминь» доказывают, что у апостола тут идет речь о Литургии или Евхаристии и что он настаивает на необходимости совершения ее на языке общепонятном, чтобы и простые люди могли бы знать, где и как отвечать на «благодарение».

О том, что первые христиане правильно усвоили это апостольское наставление, видно из церковной истории. Они сохранили лишь некоторые еврейские слова, как например, аллилуиа, осанна и аминь, напоминая этим, что первые христиане были евреи. Подобно этому и Русская Церковь сохранила в архиерейском богослужении некоторые греческие слова.

Иван Бобровнитский, православный знаток римской обрядности, так писал о современной римско-католической практике: «...ничто не может возместить потерю, которую народ испытывает, когда богослужение совершается на непонятном языке; этим люди лишаются возможности участвовать в общей церковной молитве, а также и нравственной пользы, которая рождается при слушании и понимании Литургии. В римских церквах во время мессы люди слушают и не понимают; многие стоят лицом не к престолу, на котором совершается месса; каждый молящийся имеет свою книгу и во время мессы занимается чтением псалмов с особо составленными молитвословиями. Таким образом общая служба превращается в частную молитву каждого человека, что противоречит самой идее Литургии».

Само название православной Евхаристии не допускает употребления незнакомого языка. Слово Литургия (по-гречески) в подлинном смысле означает общественный долг, а в церковном понимании — общественное, соборное служение, в котором участвуют все молящиеся. Литургия составлена в форме диалога между священнослужителями и присутствующими мирянами, которые вместе «благодарят» Бога, Создателя всех. Когда предстоящие не разумеют священника, то это уже монолог. Это все равно, что и беседа с человеком, не понимающим вашего языка; про него можно сказать, что «он становится чужестранцем» (I Кор. 14, 11). Вместо активных участников в богослужении миряне *(хотя бы только молодежь)* превращаются в наблюдателей. Такое положение вещей конечно, не может не внушать тревоги, ибо соборное «благодарение» устраняется и вместо него получается частная молитва каждого отдельного молящегося.

Ведь у нас еще хуже, чем у римо-католиков, ибо у нас посетители служб не привыкли к употреблению молитвословов во время литургии (разве что кроме выходцев из унии).

Как же оживить участие наших мирян в богослужении? Как приобщить их к общему служению? Что нужно для того, чтобы Литургия опять стала общим достоянием — не старших только, но и здесь рожденных поколений верующих? Очевидный ответ: необходимо сделать для последних возможным понимание хотя бы части наших богослужений. Пусть они не только молятся во время Литургии, но пусть сама Литургия будет их молитвою.

Есть люди, которые утверждают, в оправдание своего взгляда, что православное богослужение на английском языке почти что варварство, что это не культурно и т. д.

Допустим на минуту, что это так. Не будем отрицать, что церковно-славянский язык является совершенным литургическим языком. Но одновременно с этим было бы не правильно отрицать красоту всех других языков. Да и можно ли решать всю будущность Православия в Америке соображениями, что в английском языке имеется слишком много согласных букв?.. Язык древних славян во времена свв. Кирилла и Мефодия обладал немно-

гими качествами культурного греческого языка, но это не помешало святым Просветителям славян перевести богослужебные книги и Священное Писание на славянский язык, чем и было положено основание, самому значительному, быть может, миссионерскому усилию в истории Церкви.

Св. Стефан Пермский, Иннокентий Аляскинский, Николай Японский и другие просветители и великие миссионеры не смущались потерей «красоты» церковно-славянского языка, когда ради миссионерского дела переводили церковные службы на зырянский, алеутский, японский и др. языки. Они знали и понимали, что Православие не заключается в языке, знали и понимали, что проникнуть в душу человека можно лишь, говоря на понятном ему языке.

Русская Церковь перевела Божественную Литургию и Св. Писание на многие сибирские наречия, часто страдавшие и недостатком нужных слов и даже отсутствием собственного алфавита. А ведь современный английский язык — язык развитой и культурный, содержательный, обладающий богатым словарным фондом. Кто может сказать, прочитавши английский перевод Библии или познакомившись с образцами английской литературы, что английский язык не выразителен и не поэтичен? Притом этот язык обладает *иератической* традицией, обыкновенно присущей древним литургическим языкам.

Совершенно неверно и утверждение, что русское церковное пение что-то потеряет от переложения церковных песнопений на английский язык.* Наши православные братья — греки, сирийцы, албанцы и др. — уже давно пользуются нашей церковной музыкой на своих языках. Они увлекаются ей и считают ее почти своей. Даже инославные американцы издали наши важнейшие «Херувимские». И кажется нет такого протестанского хора, который бы не пел наши духовные композиции. Они относятся с большим уважением к нашему церковному пению и считают его самым лучшим в мире. А язык при этом пении они употребляют свой.

Можно ли верить, что наша церковная музыка искажается, когда исполняется инославными или православными других народностей на неславянском языке? Допустима ли мысль, что при исполнении ее слушатели получают ложное представление о красоте ее?...

Но допустим, наконец, что все таки наши службы и песнопения в самом деле утратят несколько красоту в приспособлении их к английскому языку. На это можно вкратце сказать только, что никогда не следует забывать, что внешняя красота богослужения все же имеет второстепенное и даже третьестепенное значение. Известный литургист Георгий Дикс говорил, что «хотя красота является свойством Божиим и, как таковое, при поклонении Ему уместна, но она все же лишь средство к этой цели и почти всегда не является необходимой». А по мнению Святейшего Патриарха Алексия, слишком много искусственности в храме даже мешает истинной молитве. Так что об этом можно и не распространяться. Ведь мы не посещаем Божий храм, чтобы слушать музыку и просто наблюдать за пышностью благолепного служения. Мы идем на общую молитву для прославления Господа Бога. Если думать иначе, то мы рискуем поставить Дом Божий на ряду с театром.

Для многих наших верующих, рожденных в Америке и *ни разу не слыхавших* своего православного богослужения на понятном для них языке, наши таинства кажутся какими-то «тайными ритуалами», выполнение которых должно дать какой-то желательный результат. Для них священник — это требо-исполнитель, который существует лишь для того, чтобы их повенчать или крестить их детей. Он не является для них пастырем и духовником, к которому надо обращаться, как к врачу духовному и молитвеннику о них пред Всевышним. Вследствие такого отношения к Церкви и священнику их духовная жизнь либо очень слаба, либо не существует вовсе.

Первый шаг к исправлению такого поистине отчаянного положения заключался бы в том, чтобы дать молодежи молитву на понятном для нее языке. Важно, чтобы она поняла прежде всего, что действительная красота православного богослужения не в звуках слов, а в их содержании и смысле.

Вопрос о богослужебном языке и будущности Православия в этой стране очень важен и существенен. Те, которые противятся введению английского языка в наших храмах, которые увлекаются своими нецерковными национальными идеологиями, поймут свою ошибку возможно лишь тогда, когда уже будет поздно. Только один язык сможет удержать в Церкви нашу молодежь.

Если русские православные люди в Америке не поймут силы и значения английского языка и не сумеют использовать его для блага Церкви, то уверенно можно сказать, что Православие в этой стране не сохранится.

Кто же тогда будет в ответе?

Священник Давид Абрамцов

---

* Когда Православие в Америке примет английский язык, церковная музыка всех православных народностей в Америке, ныне «иностранная» станет для нее своей. Наша будущая церковная музыка будет вести свое происхождение от многих различных православных источников: она сохранит и полифоническое пение русских и румын, и византийский напев греков и сирийцев, и унисон сербов и угро-руссов. Будущая Американская Православная Церковь позаимствует от каждой нации лучшее и наиболее прекрасное. И ко всему этому приложится американский гений — произведения новых американских православных композиторов. Получится нечто новое, своеобразно американское, но, в то же время, и традиционно-православное.

YOUR ORTHODOX MISSION TO AMERICA

by

Daniel H. B. MONTGOMERY

LET'S SET THEM STRAIGHT

American Orthodoxy is coming of age. From that hardy little band of ten Russian monks who landed on Kodiak Island, Alaska, in 1794, it has increased by leaps and bounds until today it numbers around 3,000,000 souls in the United States, Canada, Alaska, and Mexico. Today Orthodox Catholics are to be found on every continent on the globe. Three-barred crosses rise over the busy metropolies of New York, Buenos Aires, Rio de Janeiro, and Mexico City, from the bleak Aleutian Islands to the steaming Chaco region of Paraguay. Already 212,000,000 strong, the Orthodox Catholic Church is increasing more rapidly than any religous faith in the world.

Yet strangely enough, most of our neighbors in the New World do not really know us. They often look upon us as a sort of curiosity. And in a way we can not really blame them, for we have not done nearly enough to show them what we believe in and why we do things the way we do. During the past fifty years Orthodoxy temporarily abandoned her original reason for coming to the New World, *to convert America* to the true faith. Rather, Orthodoxy turned her attention to consolidating the waves of immigrants who already were Orthodox. In 1872, the Archbishop left the Alaskan mission field for San Francisco, and finally, in 1905, moved to New York.

Of course, these changes were necessary. The Church could not abandon her own people simply because they had moved to a new country. The Archbishop had to establish his See close to the majority of his flock, not the minority. Nor was the Alaskan mission field abandoned entirely. A bishop was left there to govern the thriving Church which consisted of 9/10 converts. But the basic emphesis of American Orthodoxy shifted from missions to consolidation. Only recently has the missionary spirit begun to awaken once more as American Orthodox people begin to realize that their first duty is not to preserve the faith (important as that is), but to *"preach the Gospel to every creature"* as the Head of the Church commanded.

Even in her new conditions, the American Church did not forget her missionary duty. But this time she turned her attention to those Slavic peoples whose ancestors had been forced into Roman Catholic Unias in Poland and Austro-Hungary. Here the gains of Orthodoxy were little short of sensational. Literally hundreds of thousands of former Uniats have left Rome for the faith of their fathers. Often this step caused them great personal sacrifices, for Rome used every possible means to keep them in line. In Europe, on All Saints Day in 1912, Metropolitan Arsenius, the valiant Father Sandovich and six other Orthodox priests were executed by a firing squad in the public square at Lvov (Lemburg). Their crime: they refused to submit to the Roman Catholic Unia. In America, there were no firing squads: but plenty of financial and legal pressure was employed by Rome to force the Slavic Americans to behave themselves. But they did not behave themselves, and continued to pour out of Rome and into Orthodoxy. We easily forget that today in America the majority of those who call themselves Russian Orthodox and nearly all the Ukrainian and Carpatho-Russian Orthodox are either converts or children of converts to Orthodoxy from the Roman Catholic Unia.

Since 1900, more than half a million American Uniats of Slavic descent have turned Orthodox. In Europe, the Vatican reluctantly admits the loss of 6,198,551 of its former followers to Orthodoxy that is to say, the *entire Uniat Church* on the Continent! All that is left of the once-powerful Unia are a few bishops and priests who pose for photographers in Rome, two dioceses in America (one in Philadelphia and one in Pittsburgh), and some bewildered followers who still think that they are Orthodox and not Roman Catholic. This tremendous expansion of Orthodoxy at the expense of Rome has received nowhere near the attention it deserves. Every Orthodox Catholic should know about it and be proud of what his parents had to go through in order he might be a member of the Mother of all Churches, the Orthodox Catholic Church of the East, the living body of Jesus Christ.

NEW OPPORTUNITIES

Having done a splendid job in Alaska, another splendid job of consolidating Orthodox immigrants, and a sensational job of winning over former Uniats, American Orthodoxy is ready for the next round. A great deal more could still be done in Alaska, with the new waves of immigrants, and with the 500,000 Americans still claimed by the Unia. A great deal more could be done to strength-

en the internal status of American Orthodoxy by more self-sacrifice for the sake of unity and less talk about "rights" which belong to us and shortcomings which belong to the other fellow. A little less criticism about how "they" meet their problems "over there" in the old countries, a little more confidence in them and in the Church they are struggling to defend, and a lot more searching criticisms of our own glaring shortcomings are as much in order today as ever. We are proud of our victories. But our victories have been trifling compared to the victories which they have won for the Church "over there," and our trials have been as nothing when compared to the sea of flame which has enveloped them.

Our spiritual ties with the Old World are still life-giving arteries; to cut them would mean certain death. The center of Orthodoxy is still Jerusalem, not New York or Chicago.

Here in America we face the two-fold task of keeping Orthodoxy truly Catholic ("One Holy Catholic and Apostolic Church") while extending her among the millions and millions of our fellow countrymen who are groping for religious truth. Don't think that they wouldn't jump to Orthodoxy if they had the chance. Plenty have done so already. But very few will do so if they are not convinced that American Orthodoxy is a living branch of the One Holy Catholic and Apostolic Church. If all they want is to hear Russian music, they can sit home and listen to the radio.

When St. Paul entered Athens back around the year 55 A.D.,, he found an altar there dedicated to the "unknown god." He was very struck by that inscription. There was something pathetic about it. Athens was the university city of the world, and its citizens were proud of their knowledge of the arts, sciences, and philosophies. St.-Luke remarks that they "spent their time in nothing except telling or hearing something new." They knew that God exists. In fact, they had condemned Socrates to death for "atheism," altho Socrates had always considered himself to be a very religious man. But how devout can one be before the "unknown god?"

When the Apostle had gathered an audience, he began to discuss this "unknown god," but added: "What therefore you worship as unknown, this I proclaim to you." Then he told them how God had begun to reveal Himself nearly 2,000 years previously first to one man, Abraham, then to more and more and always more and more clearly, culminating finally in His very Incarnation among the people He had prepared to receive Him, His taking of the sins of the world upon Himself, and finally the uniting of his creatures to Him in His living Body, the Church*. An extraordinary story!

St. Luke tells us how the audience reacted to this message. "Some," he says, "mocked; but others said, 'We will hear you again about this' .... But some joined him and believed, among them Dionysius the Areopagite and a women named Damaris and others with them."

How similar to the Athens of St. Paul is America of our day! Like Athens, America is steeped in knowledge of the philosophies and sciences, and is always ready to listen to "something new." Like Athens, America is largely devoted to the "unknown god." Her people are religious, but puzzled before the babble of so many contradictory voices. Our last census revealed that nearly one-half of the total population has no religious preference at all. The other half is divided among a multitude of competing sects. Even the sects are often groping and more or less apologetic. The editor of *Life* magazine said recently that if churchmen cannot tell us about God in no uncertain terms, then they should keep quiet. And indeed they should! No one wants to lose an hour on Sunday morning just to hear a minister or a priest tell him to be a good boy. If he cannot spend that hour *with God*, then he has wasted his time and missed a good game of golf for nothing.

CHRISTIANITY AND LITTLE WHITE GOLF BALLS

What St. Paul had to say to the Athenians and what the Church has to say to the world today is far more than an extra layer of morality. It is the most vital message we will ever hear in our lives. It tells us what He who put us here expects of us. More, it tells us what He has done and continues to do for us. And most important of all, the Church gives us the concrete means for uniting with God and fulfilling His purpose. It, and it alone, enables us to snort at those who tell us that we are nothing more than stepping stones on the road to super-man, doomed to be crushed into the mire by the march of progress. Our value is given to us by Him who made us and became one with us. It is eternal! It is absolute!

Because God became man for us, suffered the penalties of our crimes for us, rose from the dead for us, and poured out His Holy Spirit within us, making us one with Him right here on earth, because of all that, we, too, are absolute. No tyranny on earth and no cynical philosophy can budge us. Do you think that those people killing time on the golf links Sunday mornings would not like to hear that? Do you think that the whole world is not crying for what you have already?

(*Note*: This is the central Christian message which St. Paul used over and over again, particularly when speaking before Jews who had heard already about Abraham, Moses, and the Prophets. The reader is probably awere that on this particular occasion St. Paul used a somewhat different appraoch, employing philosophical terminology which he knew would be appreciated by his Athenian audience. See Acts 17: 16 ff.).

You bet your life it is! Give them the chance and the golfers will drop their clubs and come running.

We might ask, why are they playing golf at all? They play because they feel that they have to *do* something, to keep busy, to keep their minds occupied. By projecting themselves into the future behind a little white ball, they (and all of us) can avoid looking at the *present*. Once they get the ball into the hole, they will remove it quickly and shoot for another hole. If there is one thing on earth which no one can abide, it is the present moment. Why? Because the present moment is horrible. It makes our hair stand on end. The present tells us that we are lost and helpless, hanging by a hair over who-knows-what. No, we don't like that. We dont like reality. We prefer phantasies-dreams of the dead past or hopes for the non-existent future.

On the one hand, everyone knows that he must keep busy to keep from going crazy. On the other hand, everyone knows that he will never be really happy until he can stop and rest.

Let's shoot another hole. Then we'll have a drink. Then we'll get in the car and go home. Then we'll... Or we'll read a book and keep moving from line to line. Or we'll watch television. Or we'll do a litttle work, or "distract ourselves" with a hobby or a drive into the country. At any cost, let's do *something* or we'll go crazy. Only at that last moment, at the hour of death, do we finally get trapped by reality.Then, at last, there is no future where we can hide ourselves.

Oh yes, they want to hear about Orthodoxy. The great Russian philosopher, S. L. Frank, used to say that the only difference between the believer and the non-believer is that the former has dared to look at reality. The believer stopped long enough in his tracks to face the sickening fact that he was hanging in mid-air. As soon as he realized that, he realized also whose hand was holding him there. The non-believer is afraid to do that (and it is hard), so he keeps running and running into the future. At least his legs are moving, so they give him the comfortable feeling that he must be getting somewhere.

But he isn't likely to stop running just to hear a lecture on ethics. Nor is he likely to stop to listen to a discussion of theology or comparative religions. Only one thing can stop him in his tracks, and that is *your* simple and straight-forward attitude towards the holy Orthodox faith. The chances are pretty good that as he flies through life, running and running, he is longing to find just one person who will be standing still (Orthodox!), and who can say to him quietly, "This is it, brother. You can stop running away."

Of course he may mock, as they mocked St.-Paul. Or he may say, "Tell me more." Or he may even join you right there and then. But as you speak to this non-Orthodox friend of yours, just bear in mind that there is one enormous advantage on your side: he *wants* to believe you. Deep down in his heart, he knows that he would give anything to possess the solid fearless Orthodox Catholic faith of the Fathers.

THE GREAT AMERICAN MISSION FIELD

When St. Paul and his companions landed in Greece, who could have predicted that that country would someday become a great citadel of Orthodoxy? When St. Vladimir was baptised, one barbarian among thousands, who could have predicted what treasures his people would soon produce? And today in America, who can set a limit to our horizon?

Most likely it would be wrong to dream that America will someday become a vast Orthodox nation. By now we should have learned that God obviously does not have that in mind: "My Kingdom is not of this world." First he abolished the holy Greek Empire and then the holy Russian Empire. It seems pretty clear by now that that sort of thing is not what he wants. God, who created the entire universe with all its creatures visible and invisible is not particulary impressed by quantity. What intrests Him is *quality*... A little leaven to leaven the whole lump. The true Church need not be large, but it must be true.

We know that our Church is the original Christian Church from which all others came, and we can demonstrate it without too much trouble. Any history book will do. In fact, this is so clear that our opponents generally do not bother even to argue the point with us. Instead they insert various stipulations and theories. The Protestant claims that the Church ceased to be visible and became instead invisible, so that no one could any longer find where it was. The Roman Catholic claims that divine authority was shifted mysteriously from the East and from the original people of God to the capital of the pagan Roman Empire, and that Almighty God found sunny Italy a nice place to settle down in until the end of the world.

To us it is more logical (not to speak of being more trusting in God) to suppose that what God began He completed. Having poured forth His Holy Spirit on the day of Pentecost, He did not change His mind later, and, without telling anybody, withdraw from His Church in favor of some new one. The ancient Church of the Seven Ecumenical Councils was the same Church of Pentecost, still guided by the same Holy Spirit, and is the same Church of today. For some reason known only to God, He chose to make you and me members of His divine Body. Why He selected us and not someone else is a complete mystery to us. But He did. We must carry the ball from there.

Not all of us are brilliant public speakers or magnetic organizers. Our personal mission to America may not be particulary spectacular. But our personal mission is vital all the same. We were chosen for the job even before our birth, before the creation of the world, St. Paul says. To the world about us, you and I are official ambassadors from the Church of Christ.

St. Simeon the New Theologian points out that just as a city needs doctors, lawyers, policemen, merchants, bus drivers, street cleaners, and everyone else if the city is to function properly, so does the Church need bishops, priests, singers, readers, sextons, monks, and thousands of varieties of laymen who all contribute to build up the one Body. Salt, said Jesus, is to give flavor, and "you are the salt of the earth." The primary job for most of us is not to convert the world but to give it flavor, to be outposts of calm but certain faith in a world that is terrified half out of its wits.

The best way for us to do this is to keep loaded at all times with plenty of ammunition. Fortunately, the Church has a bottomless supply of ammunition to give us if we take the trouble to ask for it. The Church gives us simple ABC rules, and guarantees results if we follow them. For monks and nuns they are extremely rigorous. But for us of the laity, although these rules require from us a little effort, they certainly don't break our backs. The most important of them are:

1) *Attend Divine Liturgy every single Sunday and Feast Day without exception.* This shouldn't be too hard for anyone of the Orthodox faith. It is hard to imagine a service more beautiful than ours. The reason for *regular* attendance is that the Divine Liturgy is an incomparable source of strength. The Church teaches (and every devout Christian has confirmed the fact by his own experience) that at the Divine Liturgy the Lord, Himself, is present in a very special and dynamic way. And "if I but touch the hem of His garment I shall be healed."

It is interesting to note that even persons who are not of our faith, such as the Roman Catholics, admit that this is so--that God is truly present at our Liturgy and truly changes the bread and wine into His very body and blood. The writer knows an atheist who wandered into an Orthodox church one day just out of curiosity. He did not understand a word of Russian. But when he came out of church two hours later he was a Christian. "Something was happening there," he said. "It was something I had never seen or experienced before. There was a *Presence* there!" That man has devoted his life to God ever since.

2) *Confess and receive Holy Communion at least four times a year,* preferably during the four Fasting Seasons. This rule is the crown of the above. If attendance at Liturgy is "mystical" communion with God, Holy Communion, as the name implies, is actual and complete communion. Remember that of all the people of the world, only you as an Orthodox Catholic have the privilege of complete union with God for the asking. Make the most of it!

3) *Keep the fasts.* This rule may seem a bit silly. What good is fasting? The truth is that fasting offers a good many tangible and practical benefits. We boast that we are "rational animals." But the sad reality is that most of us are hopelessly chained to our appetites and habits. When we fast, we wrench ourselves free from these chains and place "mind over matter." As a result, communion with God becomes easier almost automatically.

When keeping a fast, there is one handy point to hold in mind. Except for the Saturday before Easter, all Saturdays and Sundays are breathing points. There is no fasting permitted on these days, or on any other Great Feast Day. Thus no fast is really as formidable as it looks. The trick is to adjust your own private life to the great pulse beat of the living Church. At certain times we all throw ourselves together into spiritual combat. At other times we all relax together. We are all living organs of one living Body. "If one member suffers, all suffer together; if one member is honored, all rejoice together" (1 Cor. 12: 26). That is the golden key to Orthodox Christianity.

If an Orthodox Catholic can keep these three simple rules, he is well on the way to being a living witness to the Apostolic Faith in America. Orthodoxy, virtually alone among all the religions of the world, is not morbid and somber. It is full of light, happiness, music, and color. Reginald Wright Kauffman, a pioneer American convert, once said that if Protestants and Roman Catholics behave in church like servants in the house of their Master, Orthodox Catholics are like children in the house of their loving Father. Orthodox worship, like Orthodox life, is relaxed and spontaneous. "God is love," and is truly known only by those who love Him.

Yet at the same time, as many converts have pointed out,there is also in Orthodoxy a deep veneration for the Holy. God is indeed our loving Father; but He is also holy, and we are anything but. Before His Throne of glory, Orthodox Catholics prostrate themselves, knowing full well that they are unworthy to be the adopted children of One such as Him. "Heaven and earth are full of Thy glory." Were it not for his imcomprehensible love for us, we would be no more than specks of dirt beneath His feet.

A remarkable synthesis: relaxed spontaneity... deep veneration. These two strains will be found to meet nowhere save in Orthodoxy.

We Orthodox have a great deal to sing about. It is no wonder that when we sing we raise the roof. But we must sing louder yet. Millions of scuffling feet pass our doors every day. They haven't yet come in because they haven't yet heard us singing. Our songs of joy, our iron-clad faith, must be made known to them. No one can say in advance what their reactions will be.

..."Now when they heard..., some mocked; but others said, 'We will hear you again about this.'.. But some men joined him and believed, among them Dionysius the Areopagite and a woman named Damaris and others with them."

Printed by RAUSEN BROS. 417 Lafayette St., New York 3, N. Y.